

Чу Ханьюэ лежал на столе, задыхаясь от нахлынувших ощущений. Он до боли вцепился в край столешницы, изо всех сил стараясь сдержать стон и не выдать той постыдной сладости, что затапливала разум.

Цинь Фэн осторожно коснулся большим пальцем уголка его глаза.

— Каждый раз ты краснеешь так, будто я тебя смертельно обидел. Неужели я и впрямь так сильно тебя притесняю?

Чу Ханьюэ метнул на него гневный взгляд и попытался оттолкнуть руку наглеца, но тело совсем его не слушалось. Мышцы размякли, в суставах не осталось ни капли силы. Едва коснувшись ладони Цинь Фэна, он не смог ее отпихнуть — пальцы сами собой судорожно сжались, отвечая на встречное движение.

Чу Ханьюэ глухо, жалобно всхлипнул, не в силах больше бороться. Он отвернулся, пряча полные слез глаза, словно его и впрямь жестоко истязали.

Цинь Фэн переплел свои пальцы с его, не отрывая взгляда от лица наставника. Каждое мимолетное движение, каждая черточка сейчас казались ему невероятно притягательными. Чу Ханьюэ, лишенный своей обычной ледяной брони, сводил его с ума.

— В ближайшее время я не смогу приходить, — прошептал он, едва сдерживая охватившую его страсть. — Но если тебе будет грозить опасность, я явлюсь тотчас же.

— Кто просит тебя о спасении? — голос Чу Ханьюэ звучал так мягко и беспомощно, что слова, вопреки смыслу, казались кокетством. — Лучше бы тебе вообще никогда не показываться мне на глаза.

Сердце Цинь Фэна защемило от нежности.

— Хорошо, я понял. Постараюсь выкраивать время и заглядывать к тебе почаще.

— Убирайся... — выдохнул Чу Ханьюэ, но стоило любовнику притянуть его к себе, как он умолк и спрятал лицо у него на плече.

На следующее утро Чу Ханьюэ проснулся с пылающими щеками. Отголоски ночного наваждения долго не желали таять; странное, вязкое чувство никак не отпускало его. Раньше он и представить не мог, почему люди так легко теряют голову от плотских утех, но теперь, познав это на собственном опыте, он больше не находил в себе сил осуждать других.

— Наставник, вы проснулись? Когда выступаем? — в дверь постучал Цинь Фэн.

Снаружи послышался и голос Черной змеи:

— Бессмертный почтенный, солнце уже в зените! Неужели все бессмертные спят так долго?

— Заткнись, — рыкнул на него Цинь Фэн, после чего вновь нежно обратился к мастеру: — Наставник, вам нездоровится?

Стоило ему договорить, как дверь распахнулась. Чу Ханьюэ вышел на порог — лицо его снова было непроницаемым и холодным.

— Выходим немедленно, — отчеканил он.

Он купил у хозяина постоялого двора еще одну лошадь для Черной змеи, а сам устроился в седле вместе с Цинь Фэном.

Змей лишь усмехнулся:

— Вы поедете верхом? Я думал, бессмертные господа предпочитают летать на мечях. Что, клинок сломался?

Чу Ханьюэ проигнорировал колкость и вместо ответа спросил:

— Ты постоянно называешь меня «Бессмертным почтенным». Сколько же тебе лет на самом деле?

— Мне? — Черная змея довольно сощурился. — Бессмертный почтенный, спрашивать возраст у такого прекрасного юноши, как я, — верх неприличия.

Поймав на себе ледяной взгляд Цинь Фэна, предвещающий скорую расправу, он вздрогнул и торопливо добавил:

— Пятьсот. Мне пятьсот лет.

— Пятьсот? — Чу Ханьюэ на мгновение искренне удивился. — И ты говоришь, что глава Секты Ваньшань — твой старый знакомый?

— Верно, он меня вырастил, — подтвердил змей.

— И ты уверен, что он все еще жив? — Цинь Фэн подался вперед, с подозрением глядя на попутчика. — Как давно вы не виделись?

— Около двухсот лет, — честно признался тот.

— Двести лет? И он до сих пор не умер? — продолжал допытываться Цинь Фэн.

— Идущие по пути Дао живут долго, — Черная змея не смел спорить с Цинь Фэном открыто, поэтому лишь ворчал про себя: «Может, твоему наставнику тоже не одна сотня лет стукнула? Чего ты над нашим главой смеешься?»

— Долго, но не до такой же степени, — Цинь Фэн сам вознесся в тридцать, а самому старшему из его собратьев едва перевалило за двести. Он никогда не слышал, чтобы смертный человек прожил пять-шесть веков, не вознесся в Божественное царство и при этом не умерев. — Уж не практикует ли он какую-нибудь запретную демоническую магию?

— Если бы демоническая магия даровала такое долголетие, зачем бы все стремились стать заклинателями? — обиделся змей и замолчал, не желая больше поддерживать беседу.

Цинь Фэн вовремя спохватился: он побоялся, что лишние вопросы вызовут подозрения у наставника. Когда лошадь в очередной раз споткнулась на выбоине, он нарочно качнулся назад, прижимаясь к груди Чу Ханьюэ.

— Учитель, дорога здесь совсем плохая.

Чу Ханьюэ, все еще считая его сущим ребенком, не стал отталкивать ученика.

— Тогда обопрись на меня.

Цинь Фэн замер в его объятиях, впитывая тепло и тонкий, едва уловимый аромат снега. В душе его поднялось волнение, но он тут же вспомнил, как во сне Чу Ханьюэ раз за разом отвергал его взрослую ипостась. Почему же, будучи одним и тем же человеком, тот ведет себя с ним так по-разному?

В конце концов Цинь Фэна осенило: наставнику просто нравятся те, кто помладше.

Он задрал голову, глядя на Чу Ханьюэ. Лицо мастера было бесстрастным; он даже не удостоил юношу взглядом, словно не питал к нему никаких чувств, кроме наставнических.

— Учитель, можно задать вам вопрос? — спросил Цинь Фэн.

Чу Ханьюэ посмотрел в его глаза, сияющие жаждой знаний, и одобрительно кивнул:

— Спрашивай.

— Наставник, вам больше по душе те, кто старше вас, или те, кто младше? — выпалил Цинь Фэн.

Лицо Чу Ханьюэ мгновенно потемнело.

— К чему такие вопросы?

Цинь Фэн решил, что его просто не так поняли:

— Ну, если бы вы решили связать себя узами брака, вы бы выбрали супруга почтенного возраста или кого-то... ай!

Договорить он не успел: Чу Ханьюэ одним резким движением сбросил его с лошади прямо на дорогу.

<http://bllate.org/book/17570/1657558>